

М.-Э. А. Винклер¹, Е. В. Кашкин²

Институт языкознания РАН¹,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН²,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова^{1,2}

(Россия, Москва)

maria.emilia.winkler@gmail.com¹, egorka1988@gmail.com²

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕКСЕМ ‘ЧИСТЫЙ’ / ‘ЧИСТО’ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Работа посвящена семантическим переходам лексем поля чистый в трех финно-угорских языках: мокшанском, горномарийском и удмуртском (татышлинский говор). Данные собраны в ходе полевых исследований в первую очередь методом анкетирования. В центре внимания находятся заимствованные из русского языка лексемы, развивающие фокусные и интенсификационные значения. В работе описан набор таких значений для каждого из исследуемых идиомов. Выделены следующие направления семантических переходов, подверженные межязыковому варьированию: выражение рестриктивного фокуса, высокая степень сходства при сравнении, полная затронутость референта именной группы признаком, полная затронутость референта именной группы действием, высокая степень проявления ситуации. В сопоставлении с финно-угорскими материалами мы анализируем употребление лексем — источников заимствования (*чистый* и *чисто*) в русском языке, обращаясь как к данным литературного языка (включая устный подкорпус НКРЯ), так и к доступным в корпусах и в словарях диалектным материалам. Мы установили, что все значения, доступные финно-угорским лексемам, присутствуют и в тех или иных вариантах русского языка. Это позволяет предположить, что рассматриваемые единицы могли быть заимствованы в финно-угорские языки вместе с уже развившимися в русском языке моделями полисемии. Вместе с тем в каждом из исследуемых языков обнаруживаются и специфические ограничения на употребление заимствованных лексем. В заключительной части мы обсуждаем характерную для лексем с семантикой ‘чистый’ / ‘чисто’ колексификацию значения рестриктивного фокуса и значений интенсификационной зоны. С приведением

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

типологических параллелей рассматриваются аргументы за возможность их независимого развития либо за их связь друг с другом.

Ключевые слова: семантические каритивы, лексическая типология, признаковая лексика, фокусные частицы, интенсификаторы, языковые контакты, заимствования, финно-угорские языки, русский язык

1. Введение

1.1. Предмет исследования и структура работы

В данной статье на материале нескольких финно-угорских языков (мокшанского, горномарийского и удмуртского) рассматриваются лексемы, принадлежащие к семантическому полю чистый и способные развивать грамматические функции, относящиеся к семантическим областям фокуса, квантификации и интенсификации². Многие из этих лексем заимствованы из русского языка (как *č'istâj* в (1)), что можно описать как заимствование языкового материала (англ. *matter borrowing*) в терминологии [Matras, Sakel 2007]. В то же время модели семантического развития рассматриваемых лексем схожи в русском языке и в контактирующих с ним языках, ср. семантику высокой степени сходства, выражаемую в (1)–(2). Поэтому возникает вопрос о том, развиваются ли эти модели независимо, или есть основания говорить об их заимствовании (*pattern borrowing*) из русского языка. Мы обсудим материал финно-угорских языков и с этой точки зрения.

- (1) удмуртский (татышлинский говор)

dan'il č'istâj ataj-ez kad'.

Данил чистый отец-POSS.3SG как

'Данил совсем как папа'.

- (2) *По размеру чуть больше обычных кошек, на вид — **чисто** рысь.* [Google: <https://pixiehouse.ru/kotyata/pixiebob/pixiehouse-vatrushka.html>]

Далее в разделе 1 охарактеризован материал исследования и дан краткий обзор предыдущих работ о поле чистый. В разделе 2 мы рассмотрим лексемы этого поля в финно-угорских языках и модели развития у них грамматических функций. Раздел 3 посвящен моделям полисемии лексем *чистый* и *чисто* в русском языке, в том числе на диалектном материале. Также в разделе 3 мы сопоставим данные русского языка с финно-угорским материалом, рассматриваемым в разделе 2. Раздел 4 включает теоретическое обсуждение наблюдаемой полисемии и обзор типологических параллелей. В разделе 5 подводятся итоги.

1.2. Материал

Данные для нашего исследования собраны в экспедициях ОТиПЛа МГУ с помощью анкетирования носителей мокшанского языка (с. Лесное Цибаево

² Вслед за рядом предшественников мы относим употребления такого типа к грамматическим, см. более подробное обсуждение в [Лучина и др. 2013: 125].

и с. Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия) в 2015–2017 гг., горномарийского языка (с. Кузнецово и близлежащие сёла Горномарийского района Республики Марий Эл) в 2016–2024 гг. и удмуртского языка (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, д. Верхнебалтачево, с. Уразгильды Татышлинского района Республики Башкортостан) в 2019–2023 гг. При необходимости отдельные примеры уточнялись дистанционно. В случае удмуртского языка исследовался татышлинский говор (периферийно-южный диалект, южное наречие), существенно отличающийся от литературного варианта. Рассматриваемые варианты мокшанского и горномарийского языков в целом близки к соответствующим литературным нормам; поиск в исследуемом материале специфических диалектных черт не входил в задачу исследования.

Методологической базой работы служит фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий анализ сочетаемостных свойств лексем и их значения в конкретном контексте и выделение на этой основе базовых ситуаций (фреймов), которые могут противопоставляться лексически в том или ином языке (подробнее см. [Рахилина, Резникова 2013]).

Для исследования параллелей с русским языком был использован материал НКРЯ (в том числе устный подкорпус и диалектный подкорпус), также были произведены запросы в поисковых системах Yandex и Google. Кроме того, были проанализированы данные, доступные в диалектных корпусах [Lingconlab] и в опубликованных источниках; ссылки приводятся при соответствующих примерах.

Примеры из финно-угорских языков записываются в фонологической транскрипции, принятой в соответствующем экспедиционном проекте. При примерах, записанных в ходе анкетирования, источник не указывается.

1.3. Типологический фон

Семантическое поле чистый, а также смежные с ним поля грязный, прозрачный, мутный рассматривались в ряде типологических работ. Пилотное исследование [Архангельский и др. 2011] охватывало материал пяти языков (русского, английского, китайского, новогреческого, восточноармянского). Из выявленных семантических оппозиций наиболее важно для нашего обсуждения противопоставление отсутствия грязи (рус. *у кошки чистая шерсть*) и отсутствия примесей (рус. *свитер сделан из чистой шерсти*).

Исследование этих семантических полей было продолжено в [Готлан 2017] на материале немецкого языка, в [Печникова 2017], где было рассмотрено семь новых языков (финский, азербайджанский, нидерландский, итальянский, украинский, грузинский, корейский), а также на материале славянских языков в [Резникова, Печникова 2021].

Перечисленные работы были посвящены буквальным и метафорическим / метонимическим значениям исследуемых лексем, но не включали детального изучения грамматических функций, развиваемых на базе буквальных значений. Мы,

напротив, концентрируемся именно на таких употреблениях лексем с буквальным значением 'чистый', приводя лишь базовую информацию об их исходной семантике, необходимую для понимания источника семантического сдвига.

Интересующие нас переходы упоминаются в работе [König 1991: 156–165], посвященной типологии фокусных частиц. Каритивные (обозначающие отсутствие чего-л.) единицы, включая лексем со значениями 'чистый' / 'чисто', приводятся среди источников рестриктивных фокусных частиц, ограничивающих возможность существования альтернатив к пропозиции в фокусе (ср. англ. *purely* 'чисто; только'). В некоторых случаях такие единицы могут развиваться и в маркер аддитивного фокуса (допускающий альтернативы к пропозиции в фокусе), см. [ibid.: 162–163] о возможном механизме развития значения 'тоже' у итальянского *pure* — когната упомянутой английской лексемы.

2. Финно-угорские языки

2.1. Исследуемые значения

При описании языковых данных мы рассматриваем перечисленный далее в этом разделе набор грамматических употреблений лексем со значениями 'чистый' / 'чисто'. Употребления, выявленные в одном языке, проверялись затем на материале остальных языков выборки.

Первое из проверяемых употреблений — выражения **рестриктивного фокуса** ('имеет место P, не имеют места никакие альтернативы P'). Так, в (3) речь идет о том, что говорящая приготовила макароны и не приготовила ничего, кроме макарон.

- (3) МОКШАНСКИЙ
<i>mon</i>	<i>pid'-ən'</i>	<i>čistaj</i>	<i>makarot-t,</i>	<i>sivəl'-ftəmə.</i>
я	варить-РСТ.1SG	чистый	макароны-PL	мясо-CAR
- 'Я приготовила только макароны, без мяса'.

Остальные употребления реализуют семантику высокой (в некоторых случаях абсолютной) степени, или **интенсификации** (при описании языковых данных мы будем использовать именно последний термин как обобщающий). Это может быть **значительное сходство при сравнении**: в (4) действия мальчика сравниваются с действиями обезьяны и утверждается, что степень сходства между их действиями высокая.

- (4) УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)
<i>ta</i>	<i>pi</i>	<i>kuakaž'-e</i>	<i>č'istâj</i>	<i>obez'an</i>	<i>kad'.</i>
этот	мальчик	кривляться-PRS.3SG	чистый	обезьяна	как
- 'Этот мальчик кривляется совсем как обезьяна'.

Кроме того, лексем со значениями 'чистый' / 'чисто' могут указывать на **полный охват объекта признаком** (5) или **действием** (6). В (5) утверждается, что все

части объекта (стены) имеют признак ‘белый’, в (6) — что все части объекта (супа) охвачены действием ‘съесть’.

(5) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

st'enä cišti oš-ə.
 стена чистый белый-FULL
 ‘Стена полностью белая’.

(6) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tädä lem-əm cišti kačk-əp kolt-en.
 он суп-ACC чистый есть-CVB посылать-PRÉT
 ‘Он съел весь суп’.

Наконец, мы рассматриваем значение **высокой степени проявления ситуации**. Так, пример (7) предполагает, что степень удивления говорящего превышает некий прагматически заданный стандарт. Отличие таких примеров от (5)–(6) состоит в том, что в (5)–(6) развитие ситуации представлено как достигшее предельной стадии, тогда как в (7) и в других подобных случаях ситуация не имеет предела по своим онтологическим характеристикам.

(7) УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

so č'istaj / č'əlkak pajm-i-z.
 он чистый совсем удивляться-PST-3SG
 ‘Он очень сильно удивился’.

Отметим, что мы не отрицаем возможности менее дробной группировки перечисленных значений на основании сходств между ними. Например, семантика высокой, но не крайней степени предполагается в разных синтаксических конфигурациях и в (4), и в (7). Также мы затронем вопрос общности различных значений в разделе 4. В то же время эмпирически наблюдаемые различия между приведенными контекстами делают осмысленным их рассмотрение по отдельности.

2.2. Мокшанский язык

В мокшанском языке семантическое поле чистый представлено следующими лексемами: *čistaj, čistə, aru, ur'adnaj*.

Лексема *čistaj* является базовой. Ей доступно наибольшее количество фреймов. Она передает как значение ‘отсутствие грязи’ (8), так и значение ‘отсутствие примесей’ (9). Как будет показано далее, эта лексема развивает функцию фокусной частицы и функцию интенсификатора.

Лексема *čistə* не употребляется в буквальных контекстах отсутствия загрязнения (8), однако некоторые носители допускают ее при указании на отсутствие примесей (9). Как и *čistaj*, лексема *čistə* может маркировать фокус и интенсификацию.

(8) *morkš-s' čistaj / *čistə, šta-f.*
 стол-DEF.SG чистый чисто мыть-PTCP.RES
 ‘Стол чистый, вымытый’.

- (9) *t'ε svitər-s' koda-f čistaj / ?čistə pona-stə.*
 ЭТОТ свитер-DEF.SG вязать-PTCP.RES чистый чисто шерсть-EL
 'Этот свитер сделан из чистой шерсти'.

Также в мокшанском языке употребляются лексемы *aru* и *ur'adnaj*. Дистрибуция *aru* ограничена небольшим набором фреймов, связанных с воздухом и водой (в [Архангельский и др. 2011] отмечается, что подобные объекты окружающей среды могут выделяться в особую группу, будучи «когнитивно значимыми»), ср. (10a) и (10b), интерпретация которого невозможна ни в контексте отсутствия примесей, ни в контексте отсутствия загрязнения. Лексема *ur'adnaj*, находящаяся на периферии поля, предполагает наличие внешнего воздействия на объект (например, применительно к человеку она указывает на то, что он ухаживает за собой, к волосам — на то, что их вымыли и/или причесали, к грядке — на то, что ее пропололи). Ни одна из этих лексем не развивает грамматических употреблений.

- (10) a. *vel'ə-sə kožf-s' pek aru.*
 деревня-IN воздух-DEF.SG очень чистый
 'В деревне воздух очень чистый'.
- b. **t'ε svitər-s' koda-f aru pona-stə.*
 ЭТОТ свитер-DEF.SG вязать-PTCP.RES чистый шерсть-EL
 Ожидаемое значение: 'Этот свитер сделан из чистой шерсти'.

Рассмотрим теперь семантические расширения русских заимствований *čistaj* и *čistə*.

Во-первых, эти элементы могут использоваться как маркеры рестриктивного фокуса. Грамматичность их употребления в этой функции связана с тем, какие морфосинтаксические структуры находятся в их сфере действия. Так, все носители признают грамматичность лексемы *čistaj* в качестве фокусного маркера при полных именных группах, тогда как лексема *čistə* в этой позиции грамматична для части носителей (11). Прилагательное в сфере действия фокусного оператора в контрастивном контексте (12) более грамматично в сочетании с лексемой *čistə*, тогда как *čistaj* в этом контексте допускают лишь немногие из опрошенных носителей. Глагольные группы в сфере действия изучаемых фокусных операторов неграмматичны (13).

- (11) *t'ε vir'-t' esə kas-ij-t' čistaj / ?čistə tumə-t.*
 ЭТОТ лес-DEF.SG.GEN в.IN расти-NPST.3-PL чистый чисто дуб-PL
 'В этом лесу растут одни дубы'.

- (12) — *kodamə kn'iga-t maks-s'-t' t'ejə-t bibl'iot'eka-stə?*
 какой книга-PL дать-PST.3-PL PRON.DAT-2SG.POSS библиотека-EL
 — *?čistə / ??čistaj sir'ə kn'iga-t, ot-t aš-əl'-t'.*
 чисто чистый старый книга-PL новый-PL NEG-IMPF-PL
 '— Какие книги тебе дали в библиотеке? — Только старые, новых не было'.

- (13) *mon an'c'ək / *čistə / *čistaj s'orma-t t'eš-n'-an, no af*
 я только чисто чистый письмо-PL писать-FREQ-NPST.1SG но NEG
kuč-sajn'ə.
 отправить-NPST.3PL.O.1SG.S
 ‘Я только пишу письма, но не отправляю их’.

Следующая функция изучаемых лексем — маркирование полного охвата объекта признаком. В (14) такой признак выражен прилагательным (‘для каждого участка рубашки верно, что он черного цвета и никакого другого’), а в (15) — генитивной именной группой (‘для каждого кванта супа верно, что среди его ингредиентов присутствует картофель и ничего кроме картофеля’).

- (14) *t'ε panar-s' čistaj / ?čistə ravžə.*
 этот рубашка-DEF.SG чистый чисто черный
 ‘[Какого цвета эта рубашка?] — Эта рубашка чисто черная (нет других цветов)’.
- (15) *t'ε l'em-s' čistaj / čistə modamar'-ən'.*
 этот суп-DEF.SG чистый чисто картошка-GEN
 ‘Этот суп чисто картофельный’.

Также изучаемым лексемам доступен контекст, в котором они выступают маркерами значительного сходства при сравнении. Отметим, что одна часть носителей в этом контексте явно отдает предпочтение лексеме *čistaj*, тогда как другая — лексеме *čistə*. Поскольку мы зафиксировали обе эти системы, в (16) оба варианта отмечены как грамматичные. Добавление сравнительного показателя в конструкции невозможно.

- (16) a. *t'ε katə-s' čistaj / čistə pin'ə.*
 этот кошка-DEF.SG чистый чисто собака
- b. **t'ε katə-s' čistaj / čistə pin'ə-ška.*
 этот кошка-DEF.SG чистый чисто собака-EQU
 ‘Эта кошка совсем как собака’.

В контекстах полного охвата объекта действием (в отличие от проиллюстрированных в (14)–(15) контекстов полного охвата признаком) лексемы *čistaj* и *čistə* не используются:

- (17) *mon luv-sajn'ən' s'embə / *čistaj / *čistə kn'iga-tn'ə-n'.*
 я читать-NPST.3PL.O.1SG.S все чистый чисто книга-DEF.PL-GEN
 ‘Я читаю все книги’.

Значение высокой степени проявления ситуации изучаемым лексемам мокшанского языка недоступно:

- (18) *son exer' / *čistaj / *čistə af jož-u.*
 он PTCL чистый чисто NEG ум-ATTR
 ‘Он совсем дурак’.

Следует отметить, что лексема *exer'* (18), являющаяся в современном мокшанском языке фокусной частицей с широкой дистрибуцией, также диахронически связана с полем чистый. Согласно [Paasonen 1990–1999: 479], она происходит от **ja_xoŕ* 'чистый, беспримесный'.

2.3. Горномарийский язык

В горномарийском языке существуют две базовые лексемы: *ire* и *čista*, маркирующие отсутствие загрязнения. Они взаимозаменяемы в большинстве случаев и различаются лишь небольшим набором контекстов, см. [Винклер, Кашкин 2023: 829]. Эти лексемы ограничены буквальными контекстами.

Лексемы *itärä* и *tävälä* находятся на периферии семантического поля чистый. Их сочетаемость ограничена одушевленными референтами и метонимически связанными с ними объектами, а значение наиболее близко к русскому *опрятный* (19a). Маркировать собственно отсутствие грязи они не могут (19b).

(19) a. *tädä-n itärü / tävälü üp-šä.*
он-GEN опрятный опрятный волосы-POSS.3SG
'У нее аккуратные волосы [никогда не ходит лохматая]'.

b. *tomoca pašteŕ üp ire / *itärü / *tävälü.*
баня после волосы чистый опрятный опрятный
'После бани волосы чистые'.

Лексема *cišti* маркирует отсутствие примесей и развивает ряд грамматических значений, о которых пойдет речь далее. Она не употребляется в контекстах отсутствия загрязнения, ср. (20a–b).

Лексема *čistâj* в подавляющем большинстве идиолектов имеет только переносные употребления (являясь, в то же время, прозрачным заимствованием). Значение 'отсутствие примесей' допускается лишь окказионально (20a).

(20) a. *ti sv'itär-em cišti / ??čistâj miž gäc äštä-mä.*
этот свитер-POSS.1SG чистый чистый шерсть EL делать-PTCP.PASS
'Этот свитер сделан из чистой шерсти [без примесей / *без загрязнения]'.

b. *ti sv'itär-em ire / čista miž gäc äštä-mä.*
этот свитер-POSS.1SG чистый чистый шерсть EL делать-PTCP.PASS
'Этот свитер сделан из чистой [вымытой] шерсти / *без примесей'.

Среди всех перечисленных лексем только *cišti* и *čistâj* развивают грамматические употребления. Обе они могут маркировать значительное сходство двух сравниваемых объектов (21)–(22); эквативный маркер *gan'* в такой конструкции факультативен. Для *čistâj* это единственная доступная функция (ср. переинтерпретацию при его использовании в (23b)), тогда как *cišti* обладает еще рядом значений.

(21) *tädä cišti t'ot'a-žä (gan') äl-eš.*
он чистый дедушка-POSS.3SG EQU быть-NPST.3SG
'Он совсем как его дедушка'.

- (22) *ti pälä-dämö edem čistâj äzä-m*
 ЭТОТ ЗНАТЬ-NEG.PTSP ЧЕЛОВЕК ЧИСТЫЙ СТАРШИЙ_БРАТ-POSS.1SG
 (*gan'*) *äl-eš.*
 EQU БЫТЬ-NPST.3SG
 ‘Этот незнакомый человек точь-в-точь как мой старший брат’.

Лексема *cišti* способна маркировать полный охват объекта как признаком (23), так и действием (24). При этом в (23b) для лексемы *čistâj* предпочтительна конкурирующая интерпретация (‘значительное сходство при сравнении’). В (24a–b) исследуемая лексема чувствительна к типу глагола: контекст должен предполагать достижение предела. Некоторые носители допускают лексему *čistâj* в предложениях типа (23a), однако в примерах типа (24) она невозможна.

- (23) a. *tâgâr cišti / ?čistâj âžar-gâ.*
 рубашка чистый чистый зеленый-FULL
 ‘Рубашка полностью зеленая’.
- b. *tädä cišti / #čistâj ruš.*
 он чистый чистый русский
 ‘Он полностью русский’ / ‘#Он похож на русского’.
- (24) a. *arbut kok ärn'ä-štä cišti / *čistâj šü-n ke-n.*
 арбуз два неделя-IN чистый чистый гнить-CVB идти-PRET
 ‘Арбуз сгнил полностью за две недели’.
- b. **arbut kok ärn'ä(-štä) cišti šü-n ki-en.*
 арбуз два неделя-IN чистый гнить-CVB лежать-PRET
 Ожидаемое значение: ‘Арбуз лежал гнил целиком две недели’.

Синтаксически *cišti* в таких конструкциях является частью глагольной группы: ср. (25), где именная группа, отсылающая к затрагиваемому действием объекту, может быть отделена от *cišti*.

- (25) a. *tädä olma-vlä-m cišti kačk-ân kolt-en.*
 он яблоко-PL-ACC чистый есть-CVB посылать-PRET
 ‘Он съел все яблоки’.
- b. *olma-vlä-m tädä tengečä cišti kačk-ân kolt-en.*
 яблоко-PL-ACC он вчера чистый есть-CVB посылать-PRET
 ‘Яблоки вчера он все съел’.

Также *cišti* употребляется как маркер рестриктивного фокуса. В этом случае в его сфере действия находится именная группа, а *cišti* предшествует ей. Таким образом, значения рестриктивного фокуса и полного охвата объекта действием противопоставлены с помощью порядка слов, ср. (26a–b).

- (26) a. *tädä cišti olma-(vlä)-m kačk-ân.*
 он чистый яблоко-PL-ACC есть-PRET
 ‘Он съел только яблоки’.

- b. *tädä olma(-vlä)-m cišti kačk-ân.*
 он яблоко-PL-ACC чистый есть-PRET
 'Он съел все яблоки'.

Примеры (27а–б) иллюстрируют, что *cišti* в действительности функционирует как прототипическая частица рестриктивного фокуса, не допускающая альтернатив к пропозиции в своей сфере действия.

- (27) a. *tädä cišti olma-vlä-m kačk-ân, eče ta-man'ar-â*
 он чистый яблоко-PL-ACC есть-PRET еще INDEF-СКОЛЬКО-FULL
kod-ân.
 оставаться-PRET
 'Он съел только яблоки, и еще сколько-то осталось'.
- b. **tädä cišti olma-vlä-m kačk-ân dä grušâ-m=at.*
 он чистый яблоко-PL-ACC есть-PRET и груша-ACC=ADD
 Ожидаемое значение: 'Он только яблоки съел и еще грушу'.

В качестве фокусной частицы *cišti* также имеет ряд ограничений. Типичные контексты использования этой частицы — множества объектов (27а) или именные группы, не несущие на себе числового маркирования, но отсылающие к совокупности объектов (28). При этом частица не сочетается с квантифицированными именными группами (29), а также с именными группами, отсылающими к единичному исчисляемому объекту (30). В сочетании с неисчисляемыми единичными объектами маркер *cišti* также неграмматичен для большинства опрошенных носителей (31).

- (28) *tädä ti pak'et-eš cišti kačk-âš-âm namal-eš.*
 он этот пакет-LAT чистый есть-NACT-ACC носить-NPST.3SG
 'Он в этом пакете носит только продукты'.
- (29) **tädä cišti lu=at vâc olma-m kačk-ân kolt-en.*
 он чистый десять=ADD пять яблоко-ACC есть-CVВ посылатъ-PRET
 Ожидаемое значение: 'Он съел только пятнадцать яблок'.
- (30) *stöl vâl-nâ olma, kn'igä dä pumaga l'istâ ki-ât.*
 стол верх-IN2 яблоко книга и бумага лист лежать-NPST.3PL
*pet'a olma-m vele / *cišti olma-m nâl-ân.*
 Петя яблоко-ACC только чистый яблоко-ACC братъ-PRET
 'На столе лежат яблоко, книга и листок бумаги. Петя взял только яблоко'.
- (31) *tädä lem-äm vele / *cišti lem-äm kačk-eš.*
 он суп-ACC только чистый суп-ACC есть-NPST.3SG
 'Он ест только суп'.

Как и мокшанские лексемы *čistaj* и *čistə* (см. раздел 2.2), горномарийские *cišti* и *čistâj* не могут маркировать высокую степень проявления признака (32)–(33). Также они не применяются к высокой степени проявления ситуации (34).

(32) *ti lem kogo-n *čistâj / *cišti sanzal-an âl-eš.*
 этот суп большой-ADV чистый чистый соль-PROP быть-NPST.3SG
 ‘Этот суп очень соленый’.

(33) *tädä совсем / *cišti / *čistâj orodâ.*
 он чистый чистый дурак
 ‘Он совсем дурак’.

(34) *tädä kogo-n / *cišti / *čistâj ör-än.*
 он большой-ADV чистый чистый удивляться-PRET
 ‘Он очень удивился’.

2.4. Удмуртский язык (татышлинский говор)

Как и в горномарийском языке, в татышлинском говоре удмуртского языка присутствует две базовые лексемы — *č'âlkât* и *č'ista*, практически идентичных по дистрибуции, за исключением небольшого количества фреймов. Обе они маркируют отсутствие загрязнения, но не отсутствие примесей, см. (35)–(36). Их употребление ограничено буквальными контекстами. Также существует редуцированная форма *č'âlk-č'âlk*, обозначающая высокую степень проявления признака ‘чистый (не имеющий загрязнения)’.

Лексема *č'istâj*, напротив, употребляется только в контекстах отсутствия примесей, но не отсутствия загрязнения, см. (35)–(36). Она развивает употребления, выходящие за рамки семантического поля чистый (см. о них далее).

На периферии поля находится ряд лексем (как *sajkât* ‘ясный, светлый’, *žâkât* ‘аккуратный, опрятный’), имеющих очень ограниченную сочетаемость.

(35) *žók s'ôr-ä č'âlkât / č'ista / *č'istâj ki-jen puks'-ono.*
 стол за-ILL чистый чистый чистый рука-INS садиться-DEV
 ‘За стол нужно садиться с чистыми руками’.

(36) *svitâr č'istâj / #č'âlkât / #č'ista âžgon-les' kerttâ-mâ.*
 свитер чистый чистый чистый шерсть-GEN2 связать-PTCP.PST
 ‘Свитер связан из чистой [без примесей] / #вымытой шерсти’.

Как горномарийские лексемы *cišti* и *čistâj* (см. раздел 2.3), лексема *č'istâj* в татышлинском говоре удмуртского языка маркирует значительное сходство при сравнении (37). В (37) и в ряде дальнейших примеров встречается также лексема *č'âlkak* (хотя многие носители указывают на ее литературность и малоупотребимость в татышлинском говоре). Мы предполагаем, что она этимологически связана с *č'âlkât* ‘чистый’: так, в [Wichmann 1987: 286] они находятся внутри одной словарной статьи. Возможно опциональное добавление в конструкцию сравнительного маркера, ср. выше примеры (1) и (4).

- (37) *ta pi č'istâj / č'âlkak âša-m*
 этот мальчик чистый совсем быть_похожим-PTCP.PST
agaj-ez-lâ.
 старший_брат-POSS.3SG-DAT
 'Этот мальчик очень похож на своего брата'.

Также изучаемая лексема маркирует высокую степень проявления ситуации, см. (38)–(41), в том числе активно используется конструкция с переключением кодов (38b). Как показано в (39)–(40), в этой функции фиксируется и интенсификатор *č'âlkak*.

- (38) a. *č'istâj ž'el'a-t-i-zâ in'i kûz'kuk-jos!*
 чистый надоесть-CAUS-PST-3PL уже комар-PL
 'Совсем надоели уже комары!'
 b. *č'istâj надоел!* 'Совсем надоел!'

- (39) *so č'istâj / č'âlkak pajm-i-z.*
 он чистый совсем удивляться-PST-3SG
 'Он очень сильно удивился'.

- (40) *č'istâj / č'âlkak žad'-i-Ø uža-sa.*
 чистый совсем уставать-PST-1SG работать-CVB
 'Совсем устала работать'.

- (41) *so č'istâj n'erat kar-i-z.*
 тот чистый недовольный делать-PST-3SG
 'Она совсем замучила'.

Отметим, что сочетаемость интенсификатора *č'istâj* ограничена небольшой группой глаголов, ср. (42). В (38)–(41) приведены все предикаты, грамматичность которых в сочетании с лексемой *č'istâj* нам удалось подтвердить на настоящий момент. Дистрибуция лексемы *č'âlkak* не ограничивается приведенным набором контекстов, однако в этой статье мы не будем подробно останавливаться на ней.

- (42) *mon vâd-i-Ø iz'â-sa bas't-o-Ø šû-sa,*
 я лечь-PST-1SG спать-CVB брат-FUT-1SG говорить-CVB
*kopak / *č'istâj iz'â-sa košk-is'k-em-Ø.*
 совсем чистый спать-CVB уходить-1-PST2-1SG
 'Я прилегла подремать, но совсем заснула'.

В отличие от описанных в разделах 2.2–2.3 мокшанских и горномарийских лексем, удмуртская лексема *č'istâj* не может функционировать ни как показатель полного охвата объекта признаком (43) или действием (44), ни как маркер рестриктивного фокуса (45).

- (43) **ta korka č'istâj tód'.*
 этот дом чистый белый
 Ожидаемое значение: 'Этот дом полностью белый'.

(44) *so č'istâj šâd-ze s'i-sa bâdt-i-z.
 тот чистый суп-ACC.POSS.3SG есть-CVB закончить-PST-3SG
 Ожидаемое значение: 'Он съел весь суп'.

(45) kompot-ân jablok gine / *č'istâj jablok, gruša-os jevâl.
 компот-LOC яблоко только чистый яблоко груша-PL нет
 'В компоте только яблоки, груш нет'.

2.5. Обобщение

В разделах 2.2–2.4 были проиллюстрированы грамматические функции лексем поля чистый в трех финно-угорских языках (мокшанском, горномарийском, удмуртском — на материале татышлинского говора), а также приведена базовая информация об их исходной семантике. По нашим данным, все лексем, развивающие грамматические значения, в буквальных контекстах охватывают фрейм 'отсутствие примесей' (с некоторой оговоркой о горномарийском č'istâj, см. раздел 2.3). Также мы показали, что каждый из изучаемых языков заимствует лексему č'istâj в различных фонетических вариантах, и эти варианты обладают совершенно разной дистрибуцией. Помимо этого, как мы отметили в разделах 2.2 и 2.4, в проанализированных языках встречаются фокусные частицы и интенсификаторы, образованные на базе исконных лексем со значением 'чистый', однако их исходное значение затерто. Кроме того, в современном мокшанском и удмуртском они конкурируют с русскими заимствованиями.

В Таблице 1 обобщены наши данные о грамматических значениях лексем поля чистый. Мы полагаем, что функция рестриктивной фокусной частицы ближе всего к буквальному значению 'отсутствие примесей'. Так, не во всех контекстах возможно формально разграничить их (ср. *свитер сделан из чистой шерсти* = 'свитер сделан из шерсти без примесей' и 'свитер сделан только из шерсти и не содержит ничего более'). Остальные рассмотренные контексты представляют собой различные подтипы интенсификации.

3. Параллели с русским языком

В этом разделе мы рассмотрим те употребления лексем *чистый* и *чисто* в русском языке, которые имеют фокусную и/или интенсификационную функцию. Исследовательский вопрос состоит в том, имеют ли все модели семантического сдвига, рассмотренные в разделе 2 на материале финно-угорских языков, параллели в русском языке, или для каких-либо из этих моделей таких параллелей нет, и имеются основания считать их независимо развившимися в финно-угорских языках. Поскольку финно-угорские языки контактируют не только с русским литературным языком, но и с русскими диалектами, мы рассмотрим в том числе диалектные данные (в той мере, в какой релевантная для нас информация доступна в источниках по диалектам).

Различные варианты семантического и лексикографического описания русских лексем *чистый* и *чисто* приводились, в частности, в [Бабаева 2010: 276–281; Богданова-Бегларян, Сулимова 2018; Шарыкина 2022]. Учитывая нашу постанов-

Таблица 1. Обобщение данных по трем финно-угорским языкам

	мокш. <i>čistaj</i>	мокш. <i>čistə</i>	г.-м. <i>cišti</i>	г.-м. <i>čistäj</i>	удм. <i>č'istäj</i>
Букв. значение: отсутствие грязи (‘чистые руки’, ‘чистая рубашка’)	ОК	*	*	*	*
Букв. значение: отсутствие примесей (‘чистая шерсть (в составе)’, ‘чистое золото’)	ОК	?	ОК	??	ОК
Рестриктивный фокус (‘съел только яблоки’, ‘в лесу одни дубы’)	ОК	?	ОК	*	*
Интенсификация:					
Значительное сходство при сравнении (‘чисто как его отец’, ‘чисто певец’)	ОК	ОК	ОК	ОК	ОК
Полный охват признаком (‘рубашка чисто черная’, ‘он чисто русский’)	ОК	?	ОК	?	*
Полный охват действием (‘съел все яблоки’, ‘полностью сгнило’)	*	*	ОК	*	*
Высокая степень / интенсивность (‘совсем удивился’, ‘совсем дурак’)	*	*	*	*	ОК

Примечание. В таблице не учитываются синтаксические и лексические ограничения на сочетаемость.

ку задачи, мы обсуждаем ту же классификацию употреблений, которая была выделена в разделе 2 на материале финно-угорских языков. При этом она, по-видимому, может быть сведена к упомянутым описаниям, где выделение различных значений произведено менее подробно.

В ряде диалектных источников фиксируется развитие лексем *чистый* и *чисто* в маркеры рестриктивного фокуса, ср. приводимые авторами и составителями источников толкования ‘только, исключительно, единственно’ для (46), ‘сплошной, только’ для (47), ‘только одну [картошку]’ для (48).

(46) д. АКЧИМ, ПЕРМСКИЙ КРАЙ (КРАСНОВИШЕРСКИЙ РАЙОН)

*Нет, врачи **чисто** временно тут у нас.* [Скитова (ред.) 2011: 202]

(47) н. п. ЯНВАРЦЕВ, УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ³

*Кооперативную школу **чистые** мужчины кончили.* [Малеча 2003: 450]

(48) д. ЧЕБЕРЮЛА, РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ (ПАРАНЬГИНСКИЙ РАЙОН)

***Чистую** картошку ели.* [Мызников 2005: 459]

Примеры, которые можно интерпретировать как рестриктивные, встречаются и в русском литературном просторечии. Так, в (49) речь идет о том, что говорящий

³ Название населенного пункта дано в соответствии с источником. По-видимому, речь идет о с. Январцево Западно-Казахстанской области Казахстана.

планирует попасть в Париж, но не в иные места, а в (50) — о том, что некую информацию можно получить через знакомых, но нельзя получить иными путями.

(49) *До Испании точно не уложиться, но и задачи нет, я хочу чисто в Париж!*
[Yandex: https://ffclub.ru/topic/100310/jump_90/]

(50) [Женя, жен, 21, 1987, студент] *Вика! да это закрытая статистическая информация/ которую... Вот она мне говорит: «Как вы достали такую информацию?» Говорю: «Чисто через знакомых». Ты нигде такую информацию не увидишь.* [Устный подкорпус НКРЯ. Разговор дома о студенческой конференции и о политике (2008)]

В различных вариантах русского языка продуктивно и использование лексем *чистый* и *чисто* в контекстах значительного сходства при сравнении в тех или иных морфосинтаксических конфигурациях, см. (51)–(54).

(51) *Нумyslимо ли таким людям доверить валюту? А? Чисто как дети, ей-богу!*
[НКРЯ. М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

(52) н. п. БУДАРИН, УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ⁴
Василий — чисто на мать похожий. [Малеча 2003: 449]

(53) ГОВОРЫ УРАЛЬСКИХ (ЯИЦКИХ) КАЗАКОВ⁵
А мальчишка-то — чистый отец. [Малеча 2003: 450]

(54) Д. КЕБА, АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ (ЛЕШУКОНСКИЙ РАЙОН)
...я в мать, у меня мати-то такая же была, я вся мать. Вся мать. Да, нонь тоже меня кто увидит, дак говорят, чужие-то да: «О, чисто ты Фекла, Ключня! У ей матерь-то Ключней звали. У моей матери матерь звали Ключня». [Knyazev 2022]

Значение полного охвата объекта признаком также продуктивно в различных вариантах русского языка. В (55) утверждается, что все части определенной разновидности плуга обладают признаком ‘железный’, в (56) — что жители деревни обладают признаком ‘русский’, а количество жителей иных национальностей равно нулю или пренебрежимо мало. В (57) характеризуется признак действия: некая закономерность была установлена математически без применения иных способов.

(55) *Толька их мало осталося. Сабань⁶ чиста жэлезный, а у сохи толька сошник и шьбалá жэлезны.* [Диалектный подкорпус НКРЯ. Наша усадьба (Ахлыстино, Кушнаренковский район, Башкортостан, 1961)]

⁴ В современной номинации, по-видимому, с. Бударино Западно-Казахстанской области Казахстана.

⁵ Использованное при данном примере обозначение населенного пункта не вполне ясно. Ареальный охват словаря — Оренбургская область и соседние с ней регионы Казахстана. Пример иллюстрирует употребление слова *чистый* в значении, сформулированном в словаре как ‘вылитый, точь-в-точь’.

⁶ Разновидность плуга.

- (56) **Чисто** русская деревня, а рядом с нами Колтаксолá — марийская деревня. [Диалектный подкорпус НКРЯ. Деревня Фокино. Семья, детство (Фокино, Советский район, Марий Эл, 2004)]
- (57) [О. В. Мякшева, жен, филолог] *Он сказал что какую-то поймал закономерность **чисто** математически/* [Устный подкорпус НКРЯ. О. Б. Сиротина. Беседы с О. Б. Сиротиной (2008)]

Значение полного охвата объекта действием, напротив, не распространено непосредственно у лексем *чистый* и *чисто*. Такие примеры встречаются в диалектных записях, ср. (58), где говорится, по-видимому, о том, что шерсть была продана в полном объеме.

- (58) д. кеба, архангельская область (лешуконский район)
*Шерстку чапаю, шерстку пряду, да. Продают. Волос я ноне стригла, ак продала **чисто**, у меня **чисто** взяли. А раньше десять продавали, а ноне уж пятнадцать.* [Кныазев 2022]

В основном, однако, примеры с такой семантикой содержат сочетание лексемы *чисто* с универсальным кванторным словом *все* или *всё*, см. (59)–(60). Ее употребление в таких контекстах следует рассматривать не как указание на полный охват объекта действием (эту семантику выражает само универсальное кванторное слово), а как интенсификацию семантики полного охвата, передаваемой лексемой *все* / *всё* (ср. схожий эффект в сочетаниях типа *абсолютно все* [Апресян (ред.) 2004: 1072–1075]).

- (59) *...загремел гром, и в ту же минуту запластала ограда, а в ограде-то были жеребята. Оне **чисто** все и сгорели. Билися бедные, на спинках каталися, да так и сгорели все кверху ногам.* [Диалектный подкорпус НКРЯ. Быт. Пашня (Антропово, Нижнетавдинский район, Тюменская область, 1962)]
- (60) д. кеба, архангельская область (лешуконский район)
*У меня назавтра спустилося стоды, вот прямо этто, как **чисто всё** распухло.* [Кныазев 2022]

В то же время в контекстах полного охвата объекта действием в русском языке широко используются дериваты *начисто* и *подчистую*, см. (61)–(62). Это представляет аргумент против того, чтобы считать такую модель развития в рассмотренных финно-угорских языках совсем не имеющей параллелей в русском.

- (61) *Запах селедки, макарон и постного масла был **начисто** заглушен.* [НКРЯ. Юрий Коваль. Клеенка (1970)]
- (62) *Надино жаркое — это что-то особенное, его всегда все ждали и съедали **подчистую**.* [НКРЯ. Михаил Блехман. Римские цифры // «Ковчег», 2012]

Во многих контекстах лексемы *чистый* и *чисто* описывают высокую степень проявления ситуации (не предполагающую достижения абсолютного значения).

В (63) говорится о том, что говорящая значительно заблудилась («запуталась») в лесу, в (64) — о том, что женщина, которая характеризуется в предложении, является в высокой степени «подкомырой» (т. е. злым, коварным человеком). Пример (65) предполагает, что участник ситуации — отъявленный хулиган, ср. приписанное в этом случае слову *чистый* значение ‘такой, в котором в полной мере, в высшей степени проявляются признаки кого-, чего-л.’ [Скитова (ред.) 2011: 203].

(63) с. АХЛЫСТИНО, РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН (КУШНАРЕНКОВСКИЙ РАЙОН)
Ни найду ходу-ть [из леса], ну чисто зьплутальс’. [Здобнова (ред.) 2008: 377]

(64) д. СКАТЫ, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ (КАМЫШЛОВСКИЙ РАЙОН)
*С ей разговаривать нельзя: **чиста** подкомыра.* [Матвеев и др. (ред.) 1988: 33]

(65) д. АКЧИМ, ПЕРМСКИЙ КРАЙ (КРАСНОВИШЕРСКИЙ РАЙОН)
*Он фулиган **чистой**, если раздурачитя.* [Скитова (ред.) 2011: 203]

Таким образом, модели развития лексем со значением ‘чистый’ / ‘чисто’, описанные в разделе 2 в ряде финно-угорских языков, встречаются и в русском языке в тех или иных территориальных и социальных разновидностях. Это позволяет предположить, что русские лексемы могли быть заимствованы в финно-угорские языки вместе с присущими им паттернами употребления (см. о типах заимствований [Matras, Sakel 2007]) — фокусными и интенсификационными функциями. В то же время процесс и результат заимствования оказываются не столь просты: в финно-угорских языках обнаруживаются такие правила употребления рассматриваемых лексем, которые не имеют очевидных параллелей в русском. Это, в частности, касается использования ряда описанных нами лексем в значении ‘чистый (без примесей)’, но не в значении ‘чистый (без грязи)’, см. Таблицу 1 в разделе 2.5. Возможны и конструкционные ограничения, аналогов которым в русском языке не обнаружено, см. в особенности обсуждение горномарийского *cišti* в разделе 2.3. Различные типы грамматических употреблений, хотя и засвидетельствованы в русском языке, встречаются в горномарийском, мокшанском и удмуртском в разных комбинациях. Предоставить более полную картину того, как происходило заимствование, могли бы диалектные данные непосредственно из тех районов, где распространены исследуемые нами идиомы, однако в известных нам источниках они отсутствуют, а современные региональные разновидности русского языка могли претерпеть изменения в т. ч. под литературным влиянием.

4. Модель полисемии: обсуждение

Как видно из разделов 2 и 3, лексемы со значением ‘чистый’ / ‘чисто’ регулярно развиваются в маркеры рестриктивного фокуса, а также в интенсификаторы с различной семантикой. Встает вопрос о соотношении этих употреблений

и о мотивации их колексификации⁷. В [Богданова-Бегларян, Сулимова 2018: 5–6] для русского *чисто* предлагается инвариантная функция маркера точной номинации — показателя «максимально полного, адекватного, точного референциального соответствия избранного способа наименования». В то же время трактовка всех выделенных нами употреблений как реализаций единого значения представляется не вполне оправданной. Во-первых, эти употребления встречаются в рассмотренных нами языках в разных сочетаниях (см. Таблицу 1 в разделе 2.5). Во-вторых, между фокусными и интенсификационными употреблениями имеются семантические различия, ср. обсуждение этой проблемы в [Ghesquière 2017] применительно к английским лексемам *mere*(ly) и *pure*(ly). Так, интенсификационное значение по своей природе скалярно (употребление соответствующих маркеров модифицирует положение обсуждаемой сущности на шкале, отражающей проявление того или иного признака). В свою очередь рестриктивное фокусное значение в общем случае необязательно скалярно, а фокусный маркер не модифицирует собственно семантику того элемента, который находится в его сфере действия. Функция фокусных маркеров, согласно обсуждаемой статье, состоит в организации дискурса и привлечении внимания слушателя к определенному фрагменту дискурса, тогда как интенсификационные маркеры выражают оценку говорящим некоторой сущности, не участвуя в организации дискурса.

Если значения рестриктивного фокуса и интенсификации различны, то возникает вопрос, благодаря каким семантическим связям они могут выражаться одной и той же единицей.

Одна возможность заключается в том, что значения рестриктивного фокуса и интенсификации могли развиваться независимо друг от друга на базе значения 'чистый' / 'чисто'. Это предположение может быть подкреплено типологической аргументацией. Так, в различных языках зафиксированы примеры развития рестриктивных фокусных частиц на базе семантических каритивов (выражений со значением отсутствия какой-либо сущности; к их числу относятся и лексемы исследуемого нами поля). Помимо обсуждавшихся в разделе 1.3 данных такого типа из [König 1991], в [DatSemShift] отмечено развитие единиц со значением 'only, just' ('только, просто') на базе исходного значения 'naked, bare' ('голый'), ср. рус. *сидеть на голом окладе*, а также на базе значения 'empty' ('пустой'), ср. лексему *ṭarāḥ* в языке тигринья, развившуюся, согласно [DatSemShift], в маркер рестриктивного фокуса.

Одновременно на базе и лексем со значением 'чистый', и других семантических каритивов зафиксировано развитие интенсификационных выражений: ср. в [DatSemShift] переход 'clean' ('чистый') → 'totally, absolutely' ('полностью, абсолютно'), как в английском примере *It is a pure nonsense!* 'Это полный абсурд!'. В южноюкагирском языке в [Maslova 2003: 258] отмечена лексема *č'istē*, функционирующая как маркер полного охвата множества ('абсолютно все'). В [Роббек,

⁷ В данном обсуждении мы опускаем многочисленные метафоры, прозрачно связанные с исходным значением чистоты (как рус. *чистая душа*, *петь чисто* и др.).

Роббек 2005: 331] приводится эвенская лексема *чи́ста* с толкованием ‘всё, все’ (заметим, что упомянутые лексемы прозрачно заимствованы в южноюкагирский и эвенский языки из русского). В различных татских идиомах, относящихся к иранской группе, наблюдаются типологически схожие переходы лексемы *tæmiz* / *mæmiz* ‘чистый’. В [Грюнберг 1963: 174] на материале татских идиомов северного Азербайджана зафиксирован пример с полным охватом объекта признаком (66). В наших полевых материалах (митаги-джалганский татский) встретился пример употребления этой лексемы в контексте полного охвата действием (67).

(66) ТАТСКИЙ (СЕВЕРНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН)

imi uæ mærgoç burrae bir-im, ilighay=i
мы один корова резать.ПТСР быть.ПСТ-1PL костный_мозг=3SG

tæmiz ruyan by.

чистый жир быть.ПСТ.3

‘Мы зарезали корову, костный мозг у нее — чистый жир’. [Грюнберг 1963: 174]

(67) ТАТСКИЙ (МИТАГИ-ДЖАЛГАНСКИЙ)

mi-fikârd-eni bo u, temiz mu-raft-e,
EVT-лить-PRS.2SG в этот чистый EVT-идти-PRS.3SG

u=ne voda=yü.

ЭТОТ=OBL CS=POSS.3SG

‘Пересыпаешь (наливаешь) в него [в дуршлаг], полностью уходит вода’.

Многочисленные примеры развития семантических каритивов в интенсификаторы приводятся С. М. Толстой на материале славянских языков, ср. в болгарском *суха сиротина* ‘круглая (букв.: сухая) сирота’, в сербском *суви болови* ‘сильные (букв.: сухие) боли’, в чешском устаревшее *pustodivý* ‘совершенно (букв.: пусто) дикий’ и др. [Толстая 2008: 65, 95].

Другая возможность анализа состоит в постулировании связи между значениями рестриктивного фокуса и интенсификации.

Рестриктивные фокусные операторы вида ‘только Р’ выражают значение ‘имеет место Р, и не имеют места никакие альтернативы Р’ (см. [Horn 1969; Пайар 1998; Ippolito 2007] и др.). Например, из предложения *К директору пришел только Петя* следует, что к директору пришел Петя и не пришли Вася, Коля, Маша и другие возможные участники ситуации.

В определенной степени симметрично толкуются выражения универсальной квантификации. Так, ‘все (А) (В)’ означает, что ‘множество А является подмножеством множества В’ (см. [Barwise, Cooper 1981; Татевосов 2002; Keenan 2006] и др.). Например, предложение *Все студенты разговаривают* означает, что множество студентов без исключения вложено в множество разговаривающих.

По-видимому, аналогично можно рассматривать выражения с семантикой полного охвата или высокой степени. Например, из утверждения о том, что деревня «чисто русская» (пример (56) выше), следует, что множество жителей деревни без

исключения вложено в множество русских. Характеристика человека как «чистый хулиган» (пример (65) выше) предполагает, что множество его качеств, релевантных для ситуации, без исключения или почти без исключения вложено в множество качеств типичного хулигана.

Таким образом, и в семантике рестриктивного фокуса, и в семантике интенсификации есть компонент исключения / отсутствия альтернатив, что могло бы обуславливать связь между ними. Эта семантическая общность может проявляться и в полифункциональности лексических единиц⁸. Рассмотрим несколько примеров.

Русское *всего* (см. о нем [Сахно 1998; Апресян (отв. ред.) 2014: 314]), будучи кванторным словом по внутренней форме (ср. также (68)), развивает и употребления, близкие к рестриктивным, см. (69)–(70).

(68) *Всего мы потратили 15 тысяч юаней* [Google: <https://macos.livejournal.com/1280139.html>].

(69) *Ей всего семнадцать лет.* [Апресян (отв. ред.) 2014: 314]

(70) *У нас всего одна комната.* [ibid.]

Русский рестриктивный маркер *только* (см. его подробный анализ в [Пайар 1998]) используется, в свою очередь, в некоторых конструкциях, близких к интенсификационным, как включающим кванторное слово, так и нет, см. (71)–(72).

(71) *Попробовал уже всё, что только знал.* [Google: <https://www.noob-club.ru/index.php?topic=20509.4950>]

(72) *Перекопал какие только мог настройки.* [Yandex: <https://forum.ubuntu.ru/index.php?topic=180009.0>]

Лексема *исключительно* используется в зоне как рестриктивного фокуса (73), так и интенсификации (74).

(73) *(В Supermicro, кстати, ориентируются исключительно на процессоры Intel, в то время как Туап работает также и с AMD.* [НКРЯ. Михаил Кузьминский. Водопады Supermicro // «Computerworld», 2004]

(74) *Такого искреннего и исключительно талантливого актера невозможно заменить никем другим.* [НКРЯ. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)]

Эмпирические свидетельства взаимосвязи зон рестриктивного фокуса и квантификации / интенсификации обнаруживаются и в типологической перспективе. Согласно [Баязитова и др. 2009: 325], лексема *көләң* имеет в сибирских говорах татарского языка значение 'все' (заболотный говор, Тюменская область; см. также фиксацию местоимения *көлле* 'весь, вся, все; всякий, каждый' в [Татарско-русский

⁸ Механизмы формирования такой полифункциональности могут быть различными и нуждаются в анализе за рамками данной статьи. Для нас важна сама возможность колексификации значений универсальной квантификации и рестриктивного фокуса.

словарь 2007: 629]) и ‘лишь’ (тобольский говор, Тюменская область), второе значение проиллюстрировано в (75).

(75) ТАТАРСКИЙ (ТОБОЛЬСКИЙ ГОВОР)

Көләң малай-лар, пер олло геше йүк.

лишь мальчик-PL один взрослый мужчина нет

‘Только мальчики, нет ни одного взрослого мужчины’. [Баязитова и др. 2009: 325]

Лексема *нач* имеет в диалектах коми языка как значение ‘исключительно, лишь, только’ (рестриктивный фокус), так и значение ‘совсем, совершенно’ (интенсификация), см. [Словарь диалектов коми языка] и примеры (76)–(77).

(76) КОМИ

Мөд-і-сö лок-ны уна-өн,

направляться-PST.1SG-ACC.POSS.3SG приходить-INF много-INS

а локт-ім нач вит морт.

а приходить-PST.1PL только пять человек

‘Я-то собирался прийти со многими людьми, а нас пришло только пять человек’. [Webcorpora (Komi). Арт. 2016].

(77) КОМИ

Дас вит арöс-а, а быттьö нач мужик.

десять пять год-PROP а будто совсем мужик

‘Пятнадцатилетний, а будто совсем мужик’. [Webcorpora (Komi). Коми му. 2016.03.01].

Тем самым, оказывается возможным предложить теоретические и эмпирические аргументы как за независимое развитие значений рестриктивного фокуса и квантификации на базе исходной семантики ‘чистый’ / ‘чисто’, так и развитие этих значений в силу их взаимосвязи друг с другом.

5. Заключение

В статье были рассмотрены заимствованные из русского языка лексемы со значениями ‘чистый’ и ‘чисто’ в трех уральских языках: мокшанском, горномарийском и удмуртском (на материале татышлинского говора). Мы сосредоточились на развиваемых ими грамматических (фокусных и интенсификационных) функциях. Каждая из рассмотренных лексем выражает определенный набор функций из следующего списка, варьирующийся в зависимости от идиома и лексемы: рестриктивный фокус, значительное сходство при сравнении, полный охват объекта признаком, полный охват объекта действием, высокая степень проявления ситуации.

Описанные модели семантического развития были сопоставлены с данными по различным вариантам русского языка. Установлено, что в русском языке (включая его диалекты) фиксируются аналогичные модели, поэтому можно предполагать, что лексемы были заимствованы в финно-угорские языки из русского

вместе с этими моделями. В то же время ряд семантических и конструкционных ограничений, засвидетельствованных в финно-угорских языках, для русского языка, по имеющимся данным, не характерен. Таким образом, употребление заимствованных лексем могло претерпеть изменения уже на финно-угорской почве (заимствовались не все значения и конструкции, либо изменения произошли уже после заимствования).

Наконец, мы обсудили колексификацию значений рестриктивного фокуса и интенсификации у рассмотренных лексем. Приведены теоретические соображения и типологические параллели, указывающие на возможность как их независимого развития, так и взаимосвязи.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CS — переключение кодов; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEB — дебитив; DEF — определенность; DETR — детранзитивизатор; EL — элатив; EQU — экватив; EVT — эвентуальная глагольная форма; FULL — полная форма; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; IMPF — имперфект; IN — инессив; IN2 — второй (непродуктивный) инессив; INDEF — неопределенность; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; NACT — отглагольное имя; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; OBL — косвенная падежная форма; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRET — претерит; PRON — основа личных местоимений; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; RES — результатив; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

Апресян Ю. Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. М., Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

Апресян Ю. Д. (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии // Acta Linguistica Petropolitana. 2011. № 3. С. 257–260.

Бабаева Е. Э. Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью). Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 221–283.

Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Садыкова З. Р., Хайрутдинова Т. Х. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 839 с.

Богданова-Бегларян Н. В., Сулимова Т. С. Функционирование единицы чистоты в устной речи и процессы референции (корпусное исследование) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. № 3. С. 3–8.

Винклер М.-Э. А., Кашкин Е. В. Лексемы со значениями ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’ // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / ред. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М.: Буки Веди, 2023. С. 828–840.

Готлан Ю. А. Nicht nur sauber, sondern rein // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 5–7.

Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов. Ленинград: Издательство АН СССР, 1963. 210 с.

Здобнова З. П. (ред.). Словарь русских говоров Башкирии. А–Я. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

Лучина Е. С., Резникова Т. И., Стенин И. А. Атрибутивы как источник грамматикализации: ‘прямой’ и ‘ровный’ в русском, немецком и финском языках // Tipología léxica / ed. by R. G. Tirado, I. Votyakova. Granada: Jizo Ediciones, 2013. P. 123–129.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Том 4: С–Я. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2003. 536 с.

Матвеев А. К. (ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Том VII: Цабура — Яшной. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988. 189 с.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб: Наука, 2005. 634 с.

Пайар Д. Только // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / ред. Киселева К. Л., Пайар Д. М.: Метатекст, 1998. С. 45–55.

Печникова В. М. Прилагательные семантических зон ‘чистый’ и ‘грязный’: типология прямых и переносных значений // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Сборник научных трудов / ред. Кретов А. А. Воронеж: ВГУ, 2017. № 6. С. 85–97.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Резникова Т. И., Печникова В. М. Чистая типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках // Slavistična revija. 2021. № 1 (69). С. 103–120.

Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 356 с.

Сахно С. Л. Всего // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / ред. Киселева К. Л., Пайар Д. М.: Метатекст, 1998. С. 61–68.

Скитова Ф. Л. (ред.). Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. VI. Т–Я / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: Пермский государственный университет, 2011. 312 с.

Словарь диалектов коми языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754> (дата обращения 01.11.2024).

Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Шарыкина О. А. «Ну чистый мёд!» (Особенности употребления слова чистый в современной разговорной речи) // «Русский язык III тысячелетия в зеркале лингвистической науки». XXXIX Распоповские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Воронеж, 25–27 марта 2022 г.). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. С. 156–162.

Barwise J., Cooper R. Generalized quantifiers and natural language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. № 4. P. 159–219.

DatSemShift — *The Database of semantic shifts in the languages of the world* [Электронный ресурс]. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения 12.02.2024).

Ghesquière L. Intensification and focusing. The case of pure(ly) and mere(ly) // *Exploring intensification: Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 33–51.

Horn L. A presuppositional analysis of only and even // *Papers from the Fifth Regional Meeting* / ed. by Binnick R., Davison A., Green G., Morgan J. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1969. P. 98–107.

Ippolito M. On the meaning of only // *Journal of Semantics*. 2007. № 25. P. 45–91.

Keenan E. Quantifiers: semantics // *Encyclopedia of language and linguistics*, vol. 10 / ed. by Brown K. Boston: Elsevier, 2006. P. 302–308.

Knyazev S. Corpus of the Russian dialect spoken in Keba. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/keba> (дата обращения 12.02.2024).

König E. The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London, New York: Routledge, 1991. x + 218 p.

Lingconlab — Ресурсы международной лаборатории языковой конвергенции [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/ru/> (дата обращения 12.05.2024).

Maslova E., *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. xviii + 609 p.

Matras Y., Sakel J. Introduction // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 1–13.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIII, I–VI, 1990–1999. 2703 S.

Webcorpora (Komi) — Корпуса коми-зырянского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://komi-zyrian.web-corpora.net/> (дата обращения 01.11.2024).

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / bearb. von T. E. Uotila, bearb. und hrsg. von Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. xxiii + 421 S.

М.-Е. А. Winkler¹, Е. В. Kashkin²

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences¹,
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences²,
Lomonosov Moscow State University^{1,2}*

(Russia, Moscow)

maria.emilia.winkler@gmail.com¹, egorka1988@gmail.com²

SEMANTIC DEVELOPMENT OF TERMS FOR 'CLEAN' / 'PURE' IN SOME FINNO-UGRIC LANGUAGES IN COMPARISON TO RUSSIAN

The article deals with semantic shifts of lexemes from the domain CLEAN/PURE relying on the data of three Finno-Ugric languages: Moksha, Hill Mari, and Udmurt (Tatyshtly subdialect). The data were collected in fieldwork, mainly by elicitation. We focus on lexemes borrowed from a Russian source (*чистый* 'clean, pure' and the adverbial *чисто*) which developed into focus markers or intensifiers. The paper describes a set of such functions for each of the languages. We have found the following patterns of shifts (which are subject to cross-linguistic variation): restrictive focus particle, high degree of similarity in constructions with equative semantics, complete affectedness of the NP referent by some feature, complete affectedness of the NP referent by some action, high degree of intensity of the action. As a background to the Finno-Ugric data, we analyze the use of the source lexemes *чистый* / *чисто* in Russian, both in the standard language (including the oral subcorpus of the Russian National Corpus) and in dialects (relying on the data available from corpora and dictionaries). We show that all the meanings available to the Finno-Ugric lexemes occur in at least some varieties of Russian. This allows us to propose that the items under discussion could be borrowed into Finno-Ugric languages together with the polysemy patterns developed in Russian. At the same time, each of the languages under discussion develops specific restrictions on the use of such borrowings. Finally, we discuss the colexification of restrictive focus and intensifying semantics typical of the domain in question. Drawing some typological parallels, we analyze possible arguments for their independent development vs. for their connection with each other.

Keywords: semantic caritives, lexical typology, adjectives, focus particles, intensifiers, language contact, borrowing, Finno-Ugric languages, Russian language

References

Apresyan Yu. D. (Ed.). *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms. The second, updated and enlarged edition]. M., Wien, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Venskii slavisticheskii al'manakh, 2004. 1488 p. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. (Ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 736 p. (In Russ.)

Arkhangel'skii T. A., Tagabileva M. G., Kholkina L. S. [Semantic fields 'clean', 'dirty', 'transparent', 'opaque': towards the construction of a semantic typology]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2011, no. 3, pp. 257–260. (In Russ.)

Babaeva E. E. *Antonimiya: problemy tolkovaniya i rekonstruktsii stanovleniya (na primere prilagatel'nykh s sil'no razvitoi mnogoznachnost'yu)* [Antonymy: issues of interpretation and reconstruction of formation (a case study of adjectives with highly developed polysemy)]. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospectus of the active dictionary of the Russian language]. Yu. D. Apresyan. (Ed.). M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010, pp. 221–283. (In Russ.)

Barwise J., Cooper R. Generalized quantifiers and natural language. *Linguistics and Philosophy*, 1981, no. 4, pp. 159–219.

Bayazitova F. S., Ramazanova D. B., Sadykova Z. R., Khairutdinova T. Kh. *Tatar telenej zur dialektologik sizlege* [Large Tatar dialect dictionary]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009. 839 p. (In Tatar)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sulimova T. S. [The functioning of the word *chisto* in the natural discourse and the processes of reference (a corpora research)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. [Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture]. 2018, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.)

Database of Semantic Shifts in languages of the world. Available at: <https://datsemshift.ru/> (accessed 12.02.2024).

Ghesquière L. Intensification and focusing. The case of pure(ly) and mere(ly). *Exploring intensification: Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 33–51.

Gotlan Yu. A. Nicht nur sauber, sondern rein. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2014, no. 387, pp. 5–7.

Grunberg A. L. *Yazyk severoazerbaidzhanskikh tatov* [Tat language of Northern Azerbaijan]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1963. 210 p. (In Russ.)

Horn L. A presuppositional analysis of only and even. *Papers from the Fifth Regional Meeting*. R. Binnick, A. Davison, G. Green, J. Morgan (Eds.). Chicago, Chicago Linguistic Society, 1969, pp. 98–107.

Ippolito M. On the meaning of only. *Journal of Semantics*, 2007, no. 25, pp. 45–91.

Keenan E. Quantifiers: semantics. *Encyclopedia of language and linguistics, vol. 10*. K. Brown (Ed.). Boston, Elsevier, 2006, pp. 302–308.

Knyazev S. *Corpus of the Russian dialect spoken in Keba*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2022. [Online source]. Available at: <http://lingconlab.ru/keba> (accessed 12.02.2024).

König E. *The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective*. London, New York, Routledge, 1991. x + 218 p.

Lingconlab (The data of the International Laboratory of Language Convergence) [Online source]. Available at: <http://lingconlab.ru/ru/> (accessed 12.05.2024).

Luchina E. S., Reznikova T. I., Stenin I. A. [Attributives as grammaticalization sources: 'direct/straight' and 'even' in Russian, German and Finnish]. *Tipología léxica*. R. G. Tiramado, I. Votyakova (Eds.). Granada, Jizo Ediciones, 2013, pp. 123–129. (In Russ.)

Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov. Tom 4: S–Ya* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks. Book 4: S–Ya]. Orenburg, Orenburg Book Publishing House, 2003. 536 p. (In Russ.)

Maslova E. *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2003. xviii + 609 p.

Matras Y., Sakel J. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Y. Matras, J. Sakel (Eds.). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 1–13.

Matveev A. K. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Tom VII: Tsabura — Yashnoi* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Ural area. Book VII: Tsabura — Yashnoi]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1988. 189 p. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkie govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Marii El* [Russian dialects of the Middle Dictionary of the Middle Volga: Chuvash Republic, Mari El Republic]. SPb, Nauka, 2005. 634 p. (In Russ.)

Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki, Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIII, I–VI, 1990–1999. 2703 p.

Paillard D. *Tol'ko* ['Only']. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers in Russian language: contextual variation and semantic unity]. K. L. Kiseleva, D. Paillard (Eds.). M., Metatekst, 1998, pp. 45–55. (In Russ.)

Pechnikova V. M. [Adjectives for 'CLEAN' and 'DIRTY': a typology of primary and derivative meaning]. *Problemy komp'yuternoi lingvistiki i tipologii. Sbornik nauchnykh trudov* [Issues in computational linguistics and typology. Collection of articles]. A. A. Kretov (Ed.). Voronezh, VGU Publ, 2017, no. 6, pp. 85–97. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. [Frame-based approach to lexical typology]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the study of language]. 2013, no. 2, pp. 3–31. (In Russ.)

Reznikova T. I., Pechnikova V. M. [Pure typology: On lexicalization of semantics of pureness in Slavic]. *Slavistična revija*, 2021. № 1 (69), pp. 103–120. (In Russ.)

Robbek V. A., Robbek M. E. *Evensko-russkii slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2005. 356 p. (In Russ.)

Sakhno S. L. *Vsego* ['In total' / 'Just']. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers in Russian language: contextual variation and semantic unity]. K. L. Kiseleva, D. Paillard (Eds.). M., Metatekst, 1998, pp. 61–68. (In Russ.)

Sharykina O. A. «Nu chisty med!» (*Osobennosti upotrebleniya slova chisty v sovremennoi razgovornoj rechi*) ["Just like pure honey!" (Peculiarities of usage of the word 'pure' in modern colloquial speech)]. «*Russkii yazyk III tysyacheletiya v zerkale lingvisticheskoi nauki*». XXXIX Raspopovskie chteniya. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Voronezh, 25–27 marta 2022 g.)*. ["Russian language of the 3rd millennium in the mirror of linguistic science". XXXIX Raspopov conference. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Voronezh, March 25–27, 2022).] Voronezh, VSU Publ., 2022, pp. 156–162. (In Russ.)

Skítova F. L. (Ed.). *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti (Akchinskii slovar')*. Vyp. VI. T–Ya [Dictionary of the Akchim village dialect of the Krasnovishersky district of the Perm region (Akchim dictionary). Vol. VI. T–Ya]. Perm, Perm State University Press, 2011. 312 p. (In Russ.)

Slovar' dialektov komi yazyka (Dictionary of Komi dialects) [Online source]. Available at: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754> (accessed 01.11.2024).

Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian dictionary]. In 2 vol. Vol. 1 (A–L). Kazan, Magarif, 2007. 726 p. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* [Semantics of the constituents of the noun phrase: quantifiers]. M., IWL RAS, 2002. 240 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoi perspective* [The space of the word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. M., Indrik, 2008. 528 p. (In Russ.)

Vinkler M.-E. A., Kashkin E. V. *Leksemy so znacheniyami 'chisty', 'gryaznyi', 'prozrachnyi', 'mutnyi'* [Lexemes meaning 'clean', 'dirty', 'transparent', 'opaque']. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Hill Mari from the typological point of view]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (Eds.). M., Buki Vedi, 2023, pp. 828–840. (In Russ.)

Webcorpora (Komi) — Komi-Zyrian corpora [Online source]. Available at: <https://komi-zyrian.web-corpora.net/> (accessed 01.11.2024).

Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz* / bearb. von T. E. Uotila, bearb. und hrsg. von Mikko Korhonen. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. xxiii + 421 S.

Zdobnova Z. P. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii. A–Ya* [Dictionary of Russian dialects in Bashkortostan. A–Ya]. Ufa, Gilem, 2008. 406 p. (In Russ.)